

Гето Сугуру!

Живой, двадцатилетний Гето Сугуру!

Харе мгновенно оцепенел. Он так и застыл на месте с полуоткрытым ртом, не в силах шевельнуться. Сквозь узкие прорезы в намотанных на лицо бинтах его взгляд намертво прикипел к маме. Мальчик боялся даже сморгнуть — вдруг это видение растает без следа?

Папу Годжо из этого времени он уже видел на старых видеозаписях, а вот маму Гето из того же периода встречал впервые.

Жаль, повязка мешала обзору — перед глазами расплывался лишь нечеткий силуэт: свободная темная ряса-кэса и распущенные длинные волосы. Фигура Гето казалась высокой и стройной; плечи стали заметно шире, чем во времена учебы в школе магии, но в осанке все еще угадывалась юношеская хрупкость.

Словно тяжелая, непреходящая тоска и бесконечное пожирание отвратительных на вкус проклятых сфер лишили его аппетита, сделав излишне худощавым.

От долгого напряжения глаза закололо. Харе невольно моргнул, задев длинными ресницами плотную ткань бинтов, и послушно, словно на ниточке, повернул голову вслед за шагами Гето. И тут же опомнился.

«Постойте, но ведь в это время маму уже приговорили к смерти старейшины? Зачем он явился в школу магии?»

«Даже если его цель — переманить на свою сторону дядюшку Оккоцу, то, по записям из моего родного мира, это должно было случиться лишь через неделю. Почему он здесь уже сейчас? Что делать? А вдруг они начнут драться? И как мне быть, если они действительно схватятся?»

Неожиданное расхождение с привычным ходом истории заставило Харе затаить дыхание от нахлынувшей тревоги.

Тем временем из пасти огромного птицеподобного проклятого духа один за другим выбирались люди. Они с любопытством и брезгливостью оглядывались по сторонам.

— Неужели это правда Токио? — протянул кто-то.

— Деревня деревней!

— М-да, глушь несусветная. Ну и тоска!

— Сугуру, и в этой дыре ты учился?

Это переговаривались приспешники Культа Древних Сказаний. Обычно Сугуру мягко осаживал раскудахтавшихся соратников или вежливо журил девочек за невоспитанность, но сегодня он не проронил ни слова.

Он давно покинул стены школы магии. Возвращение в родные края должно было всколыхнуть в его душе лавину воспоминаний, но сейчас мысли Гето были заняты совершенно другим.

С того самого мига, как Сатору сообщил, что забрал Харе к себе, Сугуру потерял покой. А теперь, едва ступив на землю, он мгновенно выхватил взглядом хрупкую фигурку мальчика среди остальных подростков.

Он выглядел точь-в-точь как в его видениях. Сугуру молча всматривался в черты Харе, а его рука, скрытая широким рукавом рясы, медленно сжималась в кулак. Сердце обливало кровью.

Заострившийся подбородок, белые полосы бинтов, сиротливо выглядывающие из-под воротника... Что же стряслось с этим ребенком? Почему его состояние казалось еще более плачевным, чем в тех зыбких снах?

— Эй, вы кто такие? — Маки и Панда, подоспевшие чуть позже остальных, мгновенно напряглись и преградили незнакомцам путь. — Если сейчас же не уберетесь, наш старший братец Юта очень разозлится!

Оккоцу, которого внезапно окрестили «старшим братцем», испуганно округлил глаза:

— А?

На его лице отразился самый настоящий, неподдельный ужас.

Сугуру небрежно скользнул взглядом по ученикам, еще на мгновение задержался на Харе и едва заметно вздохнул. Вдруг его силуэт смазался, и в ту же секунду он оказался прямо перед Ютой.

— Ты ведь и есть Оккоцу-кун? — вкрадчиво пропел он своим бархатным, чарующим голосом.

Гето двигался настолько стремительно, что все присутствующие невольно отшатнулись от испуга.

Хотя на самом деле Сугуру всем сердцем желал лишь одного — обнять своего мальчика. Ведь ради этой встречи он и затеял весь этот визит.

Однако они с Сатору заранее договорились: нельзя пугать ребенка раньше времени. Нужно до конца разыгрывать неведение, пока они не поймут, какую цель преследует мальчик, и лишь потом выбрать подходящий момент, чтобы признаться — папа и мама давно обо всем знают...

Чтобы не вызвать у Харе подозрений, Сугуру судорожно воскресил в памяти признания сына из своих сновидений и принялся разыгрывать роль злодея строго по сценарию.

Он бесцеремонно схватил ошеломленного Юту за обе руки, елеинным голосом затянув: «Мне нужна твоя помощь», затем с искренним отвращением обозвал безмагическую Маки «слабой обезьяной» и, получив от Оккоцу ожидаемый отказ — все в точности по рассказам из снов Харе, — дождался эффектного появления Сатору.

Вместе с Годжо подросли Нанами, Мэй Мэй, Сёко и, конечно же, директор Яга, чьи кулаки уже яростно похрустывали.

Окинув взглядом прибывших, Сугуру лишь снисходительно улыбнулся, хотя внутри его так и подмывало содрогнуться от изумления.

В тех зыбких снах Харе навзрыд умолял его не умирать. Мальчик твердил, что в его родном мире Гето ради захвата Рики устроит Ночной парад сотни демонов, проиграет, погибнет от рук Сатору... и оставит его, своего сына, сиротой.

У Сугуру действительно созрел план с Ночным парадом — но это было месяц назад, когда он только узнал о существовании Рики. Появление Харе перечеркнуло все прежние замыслы.

Этот ребенок перенес столько мучений, чтобы добраться до них. Разве мог он, подаривший ему жизнь, вновь бросить сына на произвол судьбы?

Приехав в школу магии, Гето преследовал две цели: увидеть Харе своими глазами и проверить, насколько правдивы его сны. Теперь сомнений не осталось — все было чистейшей правдой.

— Сатору, сколько лет, сколько зим, — сощуривав узкие глаза, с легким поклоном поприветствовал он бывшего друга.

Годжо с самым невозмутимым видом шагнул вперед, бесцеремонно вклиниваясь между Гето и учениками, и, склонившись к самому его уху, прошептал так, чтобы никто посторонний не услышал:

— А ты торопишься, Сугуру!

Сугуру глубоко вздохнул и процедил сквозь зубы:

— А кто мне сокрушался, что довел ребенка до слез? Почему он такой худой? И что у него с шеей, откуда эти бинты?

Оба лидера увлеченно перешептывались на глазах у всех. Ученики школы магии и приспешники Гето ошарашенно переглядывались: о чем вообще толкуют эти двое?

Разве они тут не ради объявления войны собрались? К чему эти интимные секреты?

Харе тоже пребывал в растерянности — в его записях о подобных деталях не упоминалось. Впрочем, он быстро успокоил себя тем, что в параллельных вселенных всегда случаются расхождения. В первом мире это коснулось Аки и его друзей, во втором неожиданно объявился старший брат Тёсо, так что и досрочное объявление войны вполне укладывалось в рамки погрешности.

Один лишь директор Яга мрачнел с каждой секундой. Не выдержав, он яростно уставился на своих бывших подопечных и громко, призывно закашлял:

— Кхм-кхм!

Это должно было напомнить обоим, по разные стороны каких баррикад они стоят.

Мужчины тут же отшатнулись друг от друга. Белокурый великан-учитель мгновенно напустил на себя суровый вид и ледяным тоном произнес:

— Сугуру, даже не думай дурно влиять на моих учеников!

В ответ предводитель сектантов с полураспущенными иссиня-черными волосами порочно усмехнулся и широко раскинул руки:

— Двадцать четвертого декабря, на закате солнца, я начну Ночной парад сотни демонов! Сатору, давай же проклянем друг друга до самой смерти!

Молча наблюдавшие за этой сценой адепты Культа Древних Сказаний мысленно сокрушались: «Ладно все остальное, но обязательно ли объявлять войну, называя злейшего врага по имени и столь вкрадчивым тоном?»

Ученики школы магии чувствовали примерно то же самое: «Почему нам кажется, будто учитель сейчас прилюдно заигрывает со злейшим проклинателем?»

Харе едва сдерживал слезы.

«Мамочка, папочка, пожалуйста, не надо! Я так хочу, чтобы у вас все было хорошо...»

Отыграв свою роль без сучка и задоринки, Гето вместе со своей свитой покинул территорию школы. Годжо обернулся к застывшим с каменными лицами ученикам и весело помахал рукой:

— Ну все, не забивайте себе голову. Возвращайтесь к своим делам!

Харе, даже не подозревавший, что родители разыграли перед ним грандиозный спектакль, продолжал умыться мысленными слезами.

«Какой же папа чуткий и сильный... Они так долго не виделись с мамой, а первая встреча закончилась вызовом на бой. Ему сейчас невыносимо больно, но он все равно выдавливает улыбку, лишь бы подбодрить нас...»

Сам же Годжо в этот момент лукаво размышлял совершенно о другом:

«Хе-хе, главное — занять Харе какой-нибудь работой, чтобы у него не оставалось времени на грустные думы!»

Мальчик послушно побрел вслед за Ютой и остальными вниз по склону. Директор Яга, все еще кипя от злости, поспешил к главному корпусу. На опустевшей аллее остались лишь Сёко и Сатору.

Достав сигарету, Иэири щелкнула зажигалкой и сделала глубокую затяжку. Проводив взглядом процессию проклинателей, она покачала головой:

— Ну и зрелище. Вы двое ведете себя более чем странно. Между вами искры летели такие, что воздух плавился.

— Ой, Сёко, ну о чем ты? У меня вообще-то глаза забинтованы, — хохотнул Сатору, постучав пальцем по плотной повязке.

— Я говорю о том, что витает в воздухе, — ухмыльнулась Сёко, стряхивая пепел.

Как никто другой, она помнила их школьные годы и прекрасно понимала, что связывает этих двоих.

Сатору спорить не стал. Вместо этого он посерьезнел и вкрадчиво описал ей странные раны на теле Харе. Сёко, поведывая за свою практику немало проклятий, удивленно приподняла брови. Заинтересовавшись нетипичным случаем, она тут же потушила сигарету и заторопилась в архив, решив во что бы то ни стало отыскать зацепки в старинных медицинских трактатах.

Вернувшись в обитель Культа Древних Сказаний, Мимико и Нанако сразу же завели разговор о покупках. Лару и Мигель вызвались составить им компанию, прихватив с собой и сопротивляющегося Нэги. В итоге сопровождать господина Гето до его покоев вызвалась одна лишь Манами.

Они шли по длинному, застеленному циновками коридору. Комната Сугуру располагалась в самом конце крыла. Манами, у которой накопилось немало бумажных дел и отчетов, послушно семенила следом за своим лидером.

У самой двери Сугуру на мгновение замер, но тут же взял себя в руки. Обернувшись к помощнице, он мягко улыбнулся:

— Манами, ты, должно быть, устала. Ступай отдохни, все отчеты выслушаю позже.

— Ох, спасибо вам огромное! — обрадовалась девушка и, не заставляя повторять дважды, скрылась за поворотом быстрее, чем ветер.

Убедившись, что в коридоре никого не осталось, Сугуру плавно скользнул в комнату и бесшумно задвинул за собой дверь.

Широкие раздвижные двери его покоев выходили в традиционный японский сад. Створки были полностью распахнуты, впуская внутрь прохладный воздух. На краю деревянного настила-энгава, подставив макушку мягким солнечным лучам, сидел человек, с которым они расстались от силы четверть часа назад. Белые взъерошенные волосы в контровом свете казались пушистым нимбом.

— Ха-ха, Сугуру, ну ты и копуша! — весело отозвался незванный гость.

Никакой неловкости от своего внезапного визита Годжо не испытывал. Гето, давно привыкший к подобным выходкам, лишь вздохнул и опустил рядом с ним на доски.

— Столько лет прошло, а ты все такой же невыносимый, Сатору.

— Ну почему же невыносимый? Мы ведь только что виделись!

Сугуру опустил голову и после недолгого молчания тихо выдохнул:

— Он так вырос... Но, кажется, совсем не заботится о еде.

При мысли о сыне грудь стянуло щемящей болью. Сугуру сокрушался и винил себя, а Сатору, знавший его как облупленного, сразу понял, куда клонит друг.

— Слушай, Сугуру, — внезапно проговорил Годжо, — тебе не кажется, что все это жутко несправедливо?

— В каком смысле? — Гето непонимающе обернулся к нему.

— Ну сам посуди, — Сатору подпер щеку ладонью с самым серьезным видом. — Мы с тобой еще и пальцем друг друга не коснулись, а у нас уже взрослый сын. Обидно, нет? Чувствую себя обделенным!

Сугуру растерянно моргнул, но почти сразу догадался: Сатору просто пытается разрядить обстановку, не давая ему увязнуть в унынии.

На губах Гето заиграла тонкая улыбка. Принимая правила игры, он неторопливо убрал назад прядь длинных волос, обнажив бледную кожу ключиц в вырезе кимоно. Его взгляд из-под полуприкрытых век стал тягучим, дразнящим.

— Хочешь попробовать прямо сейчас? — вкрадчиво прошептал он.

Эти слова, точно пушистый лисий хвост, щекотнули слух. И в то же мгновение щеки сильнейшего мага современности, двадцатисемилетнего главы великого клана Годжо, чья безупречная красота сводила с ума, густо залила краска.

«Господи, ну почему Сугуру... такой соблазнительный? Безумие какое-то!»

Однако упрямство не позволило Годжо выказать смущение. Он упрямо вздернул подбородок и воинственно выдал:

— А я, между прочим, совершенно серьезно!

Сугуру лишь повел плечом, заставив шелк соскользнуть еще на пару миллиметров. Оглядев Сатору с ног до головы неторопливым оценивающим взглядом, он протянул:

— И что же? Сатору так и будет сидеть сиднем?

В его бархатном голосе сквозило откровенное искушение — чистой воды провокация.

От этого взгляда по телу Годжо прокатилась горячая волна. Кадык судорожно дернулся, а на губах расплылась довольная ухмылка.

— Сам напросился, Сугуру, — выдохнул он.

Сатору подался вперед, сокращая расстояние между ними. Пальцы зацепили край повязки на лице, медленно стягивая ее вниз. Из-под ткани показались бездонные небесно-голубые глаза, в которых плясали торжествующие искорки. Его взор скользнул по лицу Гето и остановился на его губах.

В этом взгляде читалось нескрываемое, хищное намерение. У Сугуру, опиравшегося ладонью о деревянный настил, внезапно ослабли пальцы. Сатору всего лишь снял повязку со своего лица, но у Гето возникло острое, почти осязаемое ощущение, будто с него самого медленно стягивают одежду.

Давно подавляемые чувства лавиной рвались наружу.

Идея просто отвлечься от тяжелых мыслей незаметно переросла в непреодолимое желание близости. Сугуру подался навстречу, приподнимая лицо и приоткрывая губы.

В комнате воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием двоих мужчин. Воздух сделался плотным, тягучим и горячим от витавшего вокруг вожделения.

Когда до поцелуя оставался какой-то жалкий миллиметр, в дверь негромко, но настойчиво постучали.

Сплетшиеся тела замерли. Сугуру, нехотя отстранившись, глухо бросил в сторону порога:

— Да? Что там?

— Господин Гето, у входа стоит юноша, — раздался из-за перегородки голос Манами. — Представился учеником школы магии и просит встречи с вами.

Девушка уже собиралась уходить на прогулку, но прямо у ворот столкнулась с мнущимся подростком. У него была очень приятная внешность, мягкие черно-белые волосы и на редкость вежливые манеры — он так ласково назвал ее «сестрицей», что Манами растаяла. Она прекрасно помнила, что видела его четверть часа назад в окружении магов, а потому без лишних расспросов провела гостя в приемную и поспешила доложить хозяину.

Гето с немым вопросом уставился на нависшего над ним Сатору. Тот прислушался к шорохам снаружи, а затем одними губами произнес:

— Это Харе.

Сугуру ошарашенно распахнул глаза.

— Веди... — едва не сорвалось с его языка, но он вовремя осекся.

Внезапный визит собственного сына заставил грозного главу культа подпрыгнуть на месте. Позабыв обо всем на свете, он рывком увлек за собой Сатору в спальню, одним слитным движением закинул двухметрового великана в платяной шкаф и набросил сверху охапку тяжелых шелковых халатов.

Перед тем как захлопнуть створку, Сугуру на мгновение заглянул внутрь, нежно запечатлел на губах остолбеневшего Годжо короткий поцелуй и решительно задвинул дверцу.

Оставшийся в крошечной темноте сильнейший маг современности только и смог подумать:

«И что это сейчас было?»

<http://bllate.org/book/19043/2005276>